

INSPIRIA

ТИХИЙ ДОМ В КЕДРОВОМ ТУПИКЕ

АННА-ЛУ
УЭЗЕРЛИ

INSPIRIA

Tok. Domestic-триллер. Тайны маленького городка

Анна-Лу Уэзерли

Тихий дом в Кедровом тупике

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уэзерли А.

Тихий дом в Кедровом тупике / А. Уэзерли — «Эксмо»,
2019 — (Tok. Domestic-триллер. Тайны маленького городка)

ISBN 978-5-04-246802-5

Идеально для поклонников «Внутри убийцы». Захватывающий детектив об убийстве мужа-манипулятора. От автора обласканного критиками «Чёрного сердца». Идеальный брак. Идеальная ложь. Идеальное преступление? На тихой улице Кедровый тупик жизнь идет своим чередом: все знают друг друга, ходят друг к другу на праздники, обмениваются новостями и сплетнями. Пока не случается убийство... Тело Роберта Миллса найдено в его собственном доме. Никаких следов взлома и ограбления, свидетелей тоже нет. Перерезанное горло, множество ножевых ранений по всему телу, а под телом — письмо его жене Лори с сообщением о разводе. Жене, обнаружившей труп первой... Расследовать дело берется детектив Дэн Райли, который сомневается в виновности жены Роберта, миниатюрной женщины с алкогольной зависимостью и сломанной судьбой. Она почти ничего не может вспомнить. Миллс изменял ей с некоей Клэр, и Лори об этом знала, с трудом переживая предательство. Но мотив налицо, а характеристики соседей вторят главной версии — Роберта убила ревнивица и истеричка Лори. Однако Райли не спешит с выводами — не все так просто. Жители Кедрового тупика отлично умеют хранить тайны и держать лицо... «Я пролистывала страницы, отчаянно пытаясь добраться до следующей главы... В итоге я прочитала все за один присест». — It's All About the Books «Блестящая книга! Удивительные психологические повороты, которые продолжают вплоть до последней страницы. Я на самом деле прослезилась... Честно говоря, не могу дождаться продолжения». — Goodreads «Ух ты!.. Мне захотелось еще, что, на мой взгляд, является признаком отличной книги!.. Выдающаяся!» — Goodreads

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-246802-5

© Узерли А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна-Лу Уэзерли

Тихий дом в Кедровом тупике

Anna-Lou Weatherley

THE COUPLE ON CEDAR CLOSE

Copyright © Anna-Lou Weatherley, 2019

All rights reserved.

This edition is published by arrangement with Darley Anderson
and Associates Ltd and The Van Lear Agency

© Павлычева М., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Я хотела бы посвятить эту книгу каждому, кто когда-либо
страдал или страдает сейчас от жестоких или токсичных отношений.
Знайте, что надежда есть, что помощь придет и что в конце тоннеля
есть свет.*

*Дэвиду,
моей настоящей любви
и родственной душе*

Да, видно, тот, кто начал лгать, не обойдется ложью малой!
Сэр Вальтер Скотт¹

¹ Пер. В. Бетаки. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

Пролог

«Где, черт побери, Роберт?» – крутится в голове Лори. Она не может сосредоточиться на том, что говорит стоящая перед ней женщина; она лишь видит, как та открывает и закрывает рот, будто рыба. Роберт куда-то делся, и это единственное, о чем может думать Лори, – об этом и о том, что пить алкоголь сегодня не надо бы; только у нее плохое предчувствие и насчет первого, и насчет второго. Она ежится под жарким полуденным солнцем и прищурившись смотрит мимо женщины на собравшихся гостей. Да где же он? Он обещал, что сегодня не выпустит ее из поля зрения. Он знал, как важен для нее этот день – ее первое за несколько месяцев появление на светском мероприятии, где ей предстоит познакомиться с соседями, – и дал слово, что постоянно будет рядом, чтобы помочь ей пережить это испытание.

Приготовление барбекю уже в самом разгаре; мужчины разного телосложения и возраста собрались вокруг нескольких цилиндрических жаровен, из которых вырываются языки пламени и облизывают решетки; в неподвижном воздухе беседки голубой дым от жаровен струится вверх. Полуголые дети играют на солнцепеке, гоняясь друг за другом с водяными пистолетами, и их вопли вплетаются в звяканье столовых приборов; звон бокалов и оживленный разговор женщин, которые накрывают столы и готовятся есть, пить и веселиться. *Веселиться*. Она уже и забыла, каково это – веселиться. Не помнит, когда в последний раз без вспомогательных препаратов наслаждалась свободой неподдельного счастья. Она не хотела идти на сегодняшнее барбекю – или на ежегодный «Знойный денек в Кедровом», как обитатели тупика предпочитают называть это мероприятие, – однако Роберт настоял. Кроме того, вечеринка устраивалась у Моники, а ей не хотелось подводить подругу.

«Лор, тебе пора выбираться из дома, – сказал тогда Роберт. – Общаться, взаимодействовать с нормальными людьми, восстановить связь с миром, с обществом. Ты же знаешь, что говорит твой доктор. Нельзя вечно сидеть в четырех стенах. Тебе это во вред».

Да, во вред, как и его роман на стороне, как и та ужасная трагедия, которая случилась из-за этого. Лори велит себе остановиться. Опять она замыкается и лелеет свою обиду, вытаскивает наружу плохие мысли, то есть занимается тем, что она с таким упорством приучала себя не делать. Предполагалось, что переезд в дом номер тринадцать по Кедровому тупику станет для них новым этапом, позволит начать все заново, даст шанс избавиться от болезненных воспоминаний последних полутора лет. И ведь разве дела после переезда не пошли значительно лучше?

– Как же здорово, что мы наконец-то познакомились с тобой, я имею в виду вживую. – Лори вникает в общую беседу. – Где же ты пряталась все это время? Уже полгода, как вы здесь поселились...

– Вообще-то пять месяцев...

Слева краем глаза Лори видит накрытый стол, уставленный бутылками с вином и крепкими напитками, и чувствует, как ее тянет к нему, будто магнитом.

– Господи, пять месяцев! Грэм, ты слышишь это? Лори живет здесь целых пять месяцев, а мы видим ее впервые!

Лори бросает взгляд на присоединившегося к ним мужчину, лысого и в очках. Судя по виду, у него большой опыт в том, как не реагировать на свою жену.

– Я сказал себе, что Джессика обязательно должна зайти к вам, познакомиться с новыми соседями, а вот я, знаешь ли, не хотел навязываться. Я считал, что ты сама объявишься, когда будешь к этому готова. Между прочим, я уже несколько раз виделся с твоим мужем. Он очень... дружелюбен...

Лори впервые за все время приглядывается к женщине. Платье обтягивает ее слишком сильно, как будто кто-то влил ее в него, забыв остановиться после возгласа «Хватит!»; платье подчеркивает пышный бюст с тонкой разделительной линией между грудями.

– Кстати, а где Роберт? – Женщина произносит имя мужа Лори с излишней фамильярностью. А может, у нее опять паранойя? «Он очень дружелюбен...» – Кажется, сегодня он собирался быть диджеем? Между прочим, это большая честь – отвечать за музыку, во всяком случае для новичка.

– Простите, как вы сказали, вас зовут?

– Джессика. – Натянутая улыбка женщины выглядит скорее как прелюдия к крику. – Джессика Бартлетт. А это мой муж Грэм. Мы ваши непосредственные соседи! – с оттенком недоверия говорит она.

– Да. Да, конечно. Знаю. Простите, я плохо запоминаю имена, – извиняется Лори. И лжет. На самом деле она великолепно запоминает имена. Ну, запоминала когда-то, до аварии. *До аварии*. Вот так теперь измеряется ее жизнь: до аварии и после. Господи, как же хочется пропустить стаканчик, просто чтобы остыть. Дико жарко.

– Ну, это вполне понятно... – говорит Джессика, склоняя голову набок и с жалостью глядя на нее – Лори давно научилась распознавать подобные взгляды. Неужели Роберт что-то рассказал? Он же обещал никому ничего не говорить – и он, и Моника поклялись, что никому ничего не расскажут. А на случай, если кто-то будет задавать им вопросы и спрашивать, почему она не выходит из дома, они придумали легенду, в соответствии с которой Лори перенесла операцию и теперь ей нужно восстанавливаться. Это не было полной ложью. Однако выражение на лице Джессики заставляет Лори нервничать. Надо найти Роберта.

Где-то в районе диафрагмы зарождается паника. Где муж? Лори чувствует на себе взгляды соседей – они смотрят на нее как на жука, застрявшего в янтаре. Но разве можно осуждать их за любопытство по отношению к хрупкой необщительной женщине из тринадцатого дома, которая после переезда практически не выходила из дома? Вероятно, они сочли ее заносчивой мегерой, которая ставит себя выше всех остальных, хотя на самом деле это далеко от истины. Однако Джессика была права в одном: обитатели Кедрового тупика очень близки. Здесь практически невозможно сохранять анонимность и помешать кому-то узнать что-либо о чужих делах или захотеть разузнать о них.

– У нас здесь самая настоящая коммуна, – продолжает Джессика, словно прочитав мысли Лори. – Мы приглядываем друг за другом. Проблема одного – проблема всех... – говорит она, делая паузу и на октаву понижая голос. – Имей в виду, ты всегда можешь поговорить со мной... если тебе когда-нибудь понадобится. – Она снова склоняет голову набок, и теперь Лори убеждена в том, что Джессика что-то знает. – Между прочим, мне не терпится взглянуть, что вы сделали с домом. Моника говорила, что ты занималась дизайном интерьеров до того... Ой, смотри, а вот и Кэтрин. Привет, дорогая! – Джессика машет рукой, при этом жировые отложения на ее предплечьях яростно трясутся.

Краем глаза Лори замечает, как к ним с подносом, уставленным едой, пробирается Моника, и ее охватывает облегчение.

– Кто хочет амюз-буш?² Лолли, дорогая моя, сходи за своим мужем, ладно? – негромко дает ей указанием Моника. – Он должен был разобраться с музыкой, а сам свалил домой.

– Домой? Что он там делает?

– Да, я видела, как он шел туда полчаса назад. Одному Богу известно, что он там делает... Сходи за ним и приведи сюда, хорошо, дорогая? Он нужен нам здесь, чтобы вечеринка началась. – Моника протягивает поднос. – Эти блинчики приготовила миссис Фостер – что заме-

² Кулинарный термин, обозначающий мини-закуску.

чательно, если учесть, что она слепая. Посмотрите, они само совершенство – на каждом почти одинаковое количество икры. Невероятно.

Джессика кладет один в рот – в тот самый рот, который, кажется, постоянно открыт, – и Лори задается вопросом, а не побывал ли в этом рту и ее муж, и тут же одергивает себя, осуждая за такие ужасные, отвратительные мысли. Она ничего не может с собой поделать.

– Пойду за ним, – говорит Лори, радуясь тому, что есть повод уйти.

– Рада была познакомиться с тобой, Лори, – кричит ей вслед Джессика с набитым икрой ртом и добавляет: – Наконец-то.

* * *

«Зачем Роберт всегда так делает – берет да ускользает в полном одиночестве?» – думает Лори, идя по тупику. Он же знает, что это раздражает ее. А может, именно поэтому? Она велит себе успокоиться, не расстраиваться. Она должна дать ему передышку. В последнее время он действительно старался изо всех сил, особенно после переезда, окружил ее заботой и вниманием, которых она не видела от него долгое время.

Вставив ключ в дверь, Лори собирается окликнуть его, однако что-то останавливает ее. Она снимает босоножки и на цыпочках идет в кухню. Роберта там нет, нет его и в гостиной. Она слышит приглушенный голос. Он наверху, и голос звучит так, будто он с кем-то говорит по телефону.

Она осторожно поднимается по лестнице, преодолевая одну ступеньку за другой, и добирается до спальни. Дверь приоткрыта, и сквозь щель Лори видит, что Роберт стоит у кровати лицом к окну. Она замирает за дверью, ее дыхание становится тяжелым и учащенным.

– Солнышко, выслушай меня. – Голос его тихий, глухой. – Клянусь, я скоро уже буду там... всего несколько дней...

У Лори стук сердца отдается в ушах. Он говорит с какой-то женщиной. Нет. Нет! Наверное, это просто клиентка, а может, его мать... Не мог он так поступить, особенно после всего... Но она же только что слышала, как он произнес «солнышко», ведь так?

– Я скажу ей, что у меня срочная работа где-нибудь на севере, в общем, придумаю предлог... Да... да, солнышко, знаю... Послушай, это не будет тянуться целую вечность... Доверься мне, обещаю... Обещаю вам обоим... Ей с каждым днем все лучше. Лекарства поддерживают ее в равновесии. Мне просто нужно, чтобы она лучше адаптировалась... Нет... нет... Клэр, пожалуйста, не плачь...

Лори кажется, что кто-то ударил ее молотком по груди и выбил воздух из легких. Роберт разговаривает с Клэр. Инстинкт подталкивает ее к тому, чтобы ворваться в комнату, но она физически не может шевельнуться – ее ноги словно приросли к ковро. Только не Клэр. Этого не может быть... Прошу, только не это... На нее накатывает паника, и она приваливается к стене, чтобы не упасть.

– Клэр, выслушай меня. – Теперь голос Роберта звучит более властно, в нем появилась авторитарность. – Я люблю тебя. Я люблю тебя и Матильду больше жизни, и мы будем вместе, мы станем самой настоящей семьей. Ты просто должна доверять мне. Ты ведь доверяешь мне, да? Пожалуйста, скажи, что доверяешь, солнышко. Мне нужна и ты, и наша дочь; я хочу, чтобы мы стали одной семьей. Просто мне надо еще немного времени... Она все еще нестабильна, и я – мы – не хочу, чтобы ее самоубийство оказалось на нашей совести... – Роберт делает паузу. – Как поживает моя маленькая девочка? Она хорошо спит?

Лори видит, как он внимательно слушает.

– Зубик! Вот это да! У нее первый зубик! – Он тихо смеется, и она слышит нежность в его голосе, и эта нежность режет ей сердце, как бензопила.

Замерев, Лори дрожащей рукой закрывает рот. В ее голове раздается безмолвный крик, он отдается от стен и потолка. Она чувствует себя как в фильме ужасов, ее самый страшный кошмар стал явью, и сейчас у нее хватает сил только на то, чтобы не рухнуть на пол. Она делает несколько глубоких вдохов и, нацепив на лицо улыбку, собирается с духом, чтобы переступить порог.

– Роберт? – говорит Лори, широко распахивая дверь и наблюдая за тем, как он в изумлении оборачивается и едва не роняет телефон. – Что ты тут делаешь? Тебя все ждут.

Глава 1

Три месяца спустя

«Гребешки или креветки?» – Лори в нерешительности оглядывает рыбный прилавок и внимательно изучает моллюсков, разложенных на колотом льду, мысленно прикидывая, какие из них сильнее всего порадуют его. Порадовать его. Даже сейчас, после всего, она все еще не избавилась от вьевшейся привычки ставить его чувства на первое место. В груди поднимается знакомая боль, вызывая прилив окситоцина. Она ощущает всплеск адреналина, когда химические вещества разливаются по телу, и прикладывает руку к груди, пытаясь унять быстрое биение своего сердца.

«Лори, это зависимость. – Она слышит отрывистый, скучный голос своего психотерапевта. – Травма привязала вас к нему химической зависимостью. Вы наркоманка...»

Кстати, о гребешках – а не их ли подавали в качестве закуски на свадебном завтраке? Точно – гребешки в лимонно-травяном сливочном соусе. Она, кажется, где-то сохранила раковины в качестве сувенира. Возможно, гребешки напомнят ему, пробудят воспоминания о том дне, когда они были счастливы и полны надежд, так сильно влюблены друг в друга.

Значит, гребешки. Она заказывает полдюжины у краснолицего неуклюжего подростка, стоящего по ту сторону прилавка, и надеется, что Роберт их оценит; она всегда отлично готовила, когда еще готовила, до аварии. Интересно, а Клэр так же искусна на кухне, как она? Похоже, Клэр из тех женщин, для которых были придуманы печеные чипсы³. Наверное, сейчас у нее слишком много хлопот с ребенком, чтобы готовить экстравагантные блюда, – без сомнения, она заказывает еду почти каждый вечер. На лице Лори появляется призрак улыбки, когда она представляет, как Клэр, взмыленная и измученная, катит коляску по «Айслэнду»⁴ и, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, хватая готовые блюда и бросает их в корзину.

Лори направляется к кассе, но для этого ей надо пройти через отдел с выпивкой, мимо рядов с блестящими зелеными и коричневыми бутылками с вином и крепкими напитками. От одной бутылки ничего не будет, ведь так? Как-никак, сегодня состоится их последний совместный ужин. О, только посмотрите – водка по специальной цене! Не думая, она берет дрожащей рукой бутылку, кладет ее в корзину к дорогой бутылке «Шато Марго». Роберт любит запивать еду красным. Пойдите-ка: она же собирается подавать рыбную закуску, так что, наверное, понадобится просекко... Бутылки в корзине знакомо постукивают друг о друга, и этот звук наполняет Лори смесью предвкушения и стыда. Ей снова слышатся слова психотерапевта:

«Многие зависимые, Лори, перескакивают с одной зависимости на другую. И у некоторых развивается новая зависимость, когда они пытаются избавиться от первой».

Она приказывает своему разуму замолчать, заглушить этот безжалостный голос внутри. Она не смотрит на бутылки, делая вид, будто их нет, и мысленно оглядывает список покупок. Именно в этот момент она замечает одну из своих соседок, ту, с которой познакомилась на барбекю и чье имя выпало у нее из памяти.

– Здравствуйте, – машинально говорит Лори. Она уверена, что соседка видела, как она кладет алкоголь в корзину. Ну и ладно, после сегодняшнего это уже не будет иметь значения. Ничего не будет иметь значения.

Лори улыбается и кивает женщине; она считает, что из вежливости необходимо поприветствовать ее. Однако встреча с этой женщиной вынуждает ее мысленно перенестись на то барбекю, в тот прекрасный, жаркий, судьбоносный летний день. Как ни странно, она отлично

³ Простейшее в приготовлении блюдо: картофель режется палочками и печется в духовке.

⁴ Супермаркет в Великобритании.

помнит, что наступила на ногу одной женщине, той слепой даме, что живет в следующем доме от Моники, – той, что приготовила блинчики, – когда, обливаясь слезами, бежала к своему дому. Наверное, той пожилой даме повезло, что она не могла видеть события того ужасного дня. Прошло уже три месяца, а люди продолжают судачить. Это можно понять по приглушенным перешептываниям и уничижительным взглядам, которые бросают на нее соседи, когда она выходит на улицу.

Женщина идет мимо, не говоря ни слова, и это отторжение страшно огорчает Лори; она поспешно отступает к кассе, и ее приподнятое настроение мгновенно угасает. Она смотрит на товары, выложенные на ленту, и у нее бешено стучит сердце. Она ничего не забыла? Сегоднешний ужин должен стать феерическим. Он будет ее прощальным подарком Роберту. Ведь он придет, чтобы «поговорить о следующем шаге». Она знает, что это значит. Он хочет развода. Он хочет обсудить его с ней, убедиться, что она снова не «слетит с катушек», и успокоить ту крохотную совесть, которая у него есть, если вообще есть. Без сомнения, он намерен согласовать детали, уладить финансовые вопросы и договориться о том, кто что получает, – в общем, это тот самый разговор, которого она всегда боялась и всеми силами старалась не допустить. Ему нужен развод, чтобы жениться на Клэр, чтобы они стали настоящей семейной ячейкой. Роберт, Клэр и Матильда. Той самой семьей, которую должны были бы построить они. Сегодня ей предстоит убедиться в том, что построить ее им не суждено.

В доме царит безупречная чистота и пахнет свежестью, когда Лори проходит в коридор, однако она ощущает в нем те же холод и пустоту, что у нее внутри. Теперь этот дом слишком велик для нее одной. Наверное, он был слишком велик и для них двоих, но план состоял в том, чтобы наполнить пространство, в том, чтобы их со временем стало четверо. Еще одно болезненное напоминание о ее одиночестве.

«А потом их не стало...»

Нервы Лори натянуты как струны, и она решает, что нужен нивелировщик. Всего одна порция, так как сегодня вечером ей понадобится ясная голова. Она достает из магазинного пакета водку, наливает ее в стакан и выпивает залпом, как лимонад. Почти сразу она наливает в стакан еще, наслаждаясь приятным жжением, когда прозрачная жидкость течет по горлу и падает в пустой желудок. Вот и наркоз.

Закрутив крышку на бутылке, она приступает к приготовлению еды: моет, режет, připravляет. Она, как самый настоящий профессионал, готовит соус бер-блан, ловкими движениями обмакивает говядину в кляр, прежде чем поставить ее в духовку при низкой температуре. Затем она берется за саму себя. Сегодня она уже побывала в салоне и сделала укладку. Длинное, в пол, платье от «Хлоэ», то самое, что ему так нравится, висит на обратной стороне кухонной двери – только-только из химчистки. Как же приятно снова чувствовать цель в жизни, как хорошо, когда есть для кого готовить, для кого выглядеть красивой – пусть и в последний раз. Она быстро принимает душ, стараясь не намочить волосы, одевается в гардеробной – «дамской комнате», которую он позволил ей спроектировать, она всегда мечтала о такой, – и оглядывает себя в высоком зеркале: блестящие, уложенные в прическу волосы, естественный макияж, струящееся платье, облегающее ее худенькую фигурку. Она слишком тоща и знает об этом. Авария вновь спровоцировала у нее расстройство пищевого поведения, которое впервые проявилось еще в те времена, когда она была подростком и страдала от низкой самооценки и беспомощности. Грудь у нее практически нет, но ее это не волнует. Какой в ней сейчас прок?

Она брызгает на себя «Ангелом» от Тьерри Мюглера; этот характерный аромат был на ней в день их свадьбы. Он сказал, что запах напоминает ему о ней.

Уже полвосьмого вечера. Стол красиво накрыт, свечи горят и отбрасывают теплые, золотистые блики на роскошную кухню – она потратила долгие мучительные часы на то, чтобы разработать ее дизайн по его вкусу. Говядина «Веллингтон» готова и томится под фольгой,

чтобы не остыла. Дофинуа⁵ нежно побулькивает; свежие овощи ждут бланшировки. Гребешки можно быстро приготовить сразу после его прихода. Она достает из духовки яблочный штрудель, и ее ноздри заполняет уютный запах слоеного теста и фруктов.

Лори проверяет охлажденное вино и подумывает о том, чтобы откупорить его и налить себе бокал, чтобы прикончить порхающих, будто в экстазе, бабочек у нее в животе. *Бабочки*. Только она знает, что они ненастоящие, что они всего лишь «мощный коктейль из химических триггеров», рабыней которого она стала. Так говорит ее психотерапевт.

Без двенадцати минут восемь она наливает себе еще порцию водки. Она бы предпочла бокал вина, но не хочет, чтобы Роберт обнаружил, что она уже открыла бутылку, поэтому приходится довольствоваться водкой. Она опрокидывает ее в глотку и наливает еще в надежде, что мясо не остынет. Ровно в восемь предвкушение, все это время трепетавшее внутри нее, превращается в злорадные укусы страха. Роберт опаздывает. Наверное, застрял в пробке, успокаивает она себя и проверяет телефон, но там лишь одно сообщение от Моники: «Удачи сегодня, голубушка». Тронутая поддержкой подруги, она слабо улыбается, хотя это дается ей нелегко. Сегодня вечером состоится ее первая встреча с Робертом после того барбекю, события, которое она предпочла бы забыть; она мечтала о том, чтобы сегодняшний вечер никогда не наступил, потому что изменит течение всего, опять.

К восьми тридцати восьми она уже успевает открыть просекко и опустошить бутылку на три четверти. У нее кружится голова, она чувствует себя пьяной, побежденной. В ее сознание закрадывается мрак, как опускающаяся ночь снаружи, и одновременно с этим меркнет слабый свет надежды, горевший в ней. Где, черт побери, Роберт?

Она снова проверяет телефон, но там никаких сообщений. Внезапно в ней поднимается ярость, она выплескивается, как кровь из свежей раны. Все ее усилия, все ее хлопоты и расходы впустую! Вот мерзавец! Вероятно, он вообще не собирался приходить – все это снова оказалось его злобной игрой.

И тут ей в голову приходит мысль: а что, если с ним случилось несчастье? О господи, автомобильная авария! Ее охватывает паника. Она приваливается к кухонному столу, вытягивает перед собой худые руки и закрывает глаза.

– Пока смерть не разлучит нас, – тихо повторяет она снова и снова.

⁵ Французское блюдо из нарезанного картофеля, запеченного в молоке или сливках.

Глава 2

Спустя некоторое время Лори вздрагивает и просыпается. У нее кружится голова, во рту сухо, как в песочнице. Из-за обезвоживания губы прилипли к зубам. Она смотрит в крошечный мрак, пытаясь сфокусировать взгляд, и стонет. Она лежит в кровати; ей кажется, что в *своей* кровати, но она в этом не уверена. Как она тут оказалась? Она тяжело вздыхает. Она вырубилась? Если так, то не в первый раз. Чувство стыда грозит поглотить ее, когда она пытается приподняться на локте. Пальцы касаются чего-то холодного, что лежит рядом с ней на кровати. По ощущениям похоже на металл. Что это? Она шарит рукой, но не может найти ничего в темноте. Сесть – самое настоящее испытание, однако когда это все же удастся, она понимает, что вся мокрая, что платье прилипло к бедрам, а ладони липкие.

Вытянув вперед руки, как зомби, она ощупью пробирается по комнате. Надо найти, где здесь включается свет. Ее глаза уже немного привыкли к темноте, но все еще трудно что-либо разглядеть. Пальцы наталкиваются на стену, и она шепчет: «Слава богу», – когда нащупывает выключатель. Только ничего не происходит, поэтому она снова давит на клавишу. Господи.

Нашупав ручку, она открывает дверь. Весь дом погружен в темноту. Она осторожно проходит по лестничной площадке. Внутреннее знание, похожее на мышечную память, подсказывает ей, что на столике рядом с лестницей стоит лампа, и она, нащупав ее, пытается включить свет, в спешке едва не сваливая лампу на пол. Свет включить не получается. Она чертыхается. Ей нужно попить, насытить организм водой и вылезти из платья. Оно прилипло к ногам... в нем холодно и неудобно. Она силится вспомнить, что делала до того, как вырубилась. Она была в кухне, ждала Роберта, ужин загублен, ее сердце разбито.

Сбитая с толку, она начинается спускаться по лестнице, одной рукой приподнимая перед платья, а другой опираясь на стену. Лестница винтовая и деревянная, так что она соблюдает осторожность – она уже падала с нее раньше. Хотя она и сконцентрировалась на том, чтобы сохранить вертикальное положение, внутри у нее маленький торнадо из паники. Она снова зарекается, что в жизни больше не прикаснется к алкоголю.

Практически ослепленная адреналином, она ощупью находит под лестницей дверцу кладовки и открывает ее. Лори обдает порывом холодного, затхлого воздуха. Встав на четвереньки, она шарит внутри, силясь найти фонарик, но ее пальцы наталкиваются то на ботинки, то на резиновые сапоги, то на зонтик, то на какие-то другие непонятные предметы, которые она в спешке и панике отбрасывает в разные стороны. От глубочайшего разочарования она начинает выть. Телефон! На ее телефоне есть фонарик! Она бежит в кухню и в темноте шарит по столу, сбивая пустую водочную бутылку на пол. Бутылка разбивается с громким звуком, из-за чего она охает и чертыхается, зато ей удается найти телефон. Облегчение практически осязаемо, когда она сжимает его дрожащими пальцами. Телефон оживает, и она, переполненная эмоциями, плачет.

Осталось всего семь процентов заряда. Этого хватит.

С горящим на телефоне фонариком она бежит обратно в кладовку и находит электрический щиток. Как она и подозревала, все автоматы выключены, и она включает их. Все вокруг заливают такой яркий свет, что она вынуждена прикрыть рукой глаза. Она прижимается спиной к стене и тяжело выдыхает. В голове пульсирует боль, от усталости и облегчения она едва держится на ногах. И тут, оглядывая себя, она понимает, что вся залита кровью.

Глава 3

– Добрый день, босс. Я разбудила?

Голос Дэвис звучит раздражающе бодро. Я не сплю, но ей об этом знать не надо.

– Сколько времени?

Я переворачиваюсь, смотрю на часы. Одиннадцать ноль шесть вечера. Я откидываю одеяло и спускаю ноги на ковер, размышляя о том, что ковер надо бы почистить или хотя бы хорошенько пропылесосить. Он кремовый, этот ковер, и на нем видно даже крохотное пятнышко грязи, но его захотела купить Рэйчел. «Деревянные полы будут где угодно, кроме спальни», – сказала тогда она. В комнате еще сохранился след женского присутствия: изысканная люстра и богато украшенное зеркало над туалетным столиком, пушистый коврик из овчины в изножье кровати, пуховое одеяло в цветочек, которое я неделями не стирал, и шторы с таким же рисунком. Но постепенно он исчезает, частичка за частичкой, и я уже чувствую, как моя квартира все больше напоминает холостяцкую берлогу, становясь жалкой и неопрятной. Как и большинство женщин, Рэйчел хранила домашний очаг во всех смыслах; теперь же, когда ее не стало, у меня нет ни времени, ни желания заниматься украшательством.

– Поздно, – говорит Дэвис. Я мысленно издаю стон. В последние дни я плохо спал, а когда мне все же удавалось ненадолго прикорнуть, меня начинали преследовать сны – живые и яркие сны, едва ли не психоделические, – поэтому я просыпался вымотанным.

Я зеваю, чешу затылок, ощущаю запах своего кислого дыхания. Я догадываюсь, что Дэвис собирается сказать мне, и одновременно прикидываю, будет ли у меня шанс принять душ.

– Ну, давай...

– Убийство, босс. Кедровый тупик, тринадцать. Тело мужчины. Роберт Миллс, тридцать один год. Вызов только что поступил.

– От кого?

– От жены.

– Его нашла жена?

– Она вызвала нас. Мы едем туда.

– Ты сказала «убийство»...

– У него перерезано горло, босс, рана идет через всю шею, и у него много колотых ран. Жена была в истерике. Похоже на бытовуху. Вам бы тоже приехать туда. Вудс потребовал, чтобы вы...

– Кто сейчас на месте преступления? – Я перебиваю ее на полуслове.

Дэвис молчит, и меня охватывает ужас, потому что я, кажется, знаю, что она сейчас скажет.

– Мартин, босс.

Я закрываю глаза и мысленно чертыхаюсь. Дилейни. Иначе и быть не могло. Я не виделся с ним с дела «Златовласки», над которым мы вместе работали: искали серийного убийцу – женщину. То дело иногда появляется в моих снах: оно едва не стоило мне работы и вынудило меня уйти в годичный отпуск. К тому времени, когда я вернулся в участок, Дилейни уже перевели в другое место, и я, если честно – а я всегда стараюсь быть честным, – стал чувствовать себя от этого значительно лучше. Я как-то сразу невзлюбил Дилейни, а в полиции, да и в любой другой сфере моей жизни, мало людей, про которых я могу сказать то же самое. Обычно я стараюсь узнать человека получше, прежде чем решить, что он мне не нравится. Дилейни же оказался исключением из этого правила. Я представляю его наглую, самодовольную смазливую физиономию и чувствую опустошение от сознания, что скоро увижу ее воочию.

– Понятно. Тринадцатый дом, говоришь?

– Да, босс. Несчастливое число.

Судя по всему, оно оказалось несчастливym для Роберта Миллса.

Глава 4

Кики

– Это не я. Я этого не делала! – Кики поднимает глаза на мать, склонившуюся над ней. Красное от ярости лицо матери искажено гневом.

– Не смей лгать! Слышишь меня, девочка?! – Она с силой бьет дочь по щеке, и Кики начинает хныкать. – Лгать – это большой грех! И воровать тоже грех! Ты покрыла позором нашу семью, ты это понимаешь? Мы порядочные люди, общество уважает нас, а теперь наша дочь оказалась воровкой – самой настоящей воровкой!

Кики трет покрасневшую щеку. Ей хочется возразить. Ей хочется повторить, что это не она, что она ничего не брала, что пакетик с леденцами из магазина мистера Пэтела взял Берти, однако она знает, что ничего хорошего из этого не выйдет. Мать все равно не поверит – она никогда ей не верит.

– Мы, Кики, приняли тебя с добрыми намерениями. – Кажется, ярость матери не утихает. – Мы дали тебе дом, семью – и посмотри, чем ты нам отплатила. Позором... – Она качает головой, открывая кухонные шкафы, доставая кастрюли и сковородки и с грохотом ставя их на прилавок. – Это все дурная кровь, ты родилась во грехе, чтобы самой стать грешницей! Вставай на колени и молись, слышишь меня? На колени!

Кики покорно встает на колени и принимается тихим шепотом читать молитву.

– Быстрее! – говорит мать. – Громче! Моли о прощении... Расскажи Ему, какая ты грешница и что ты отрекаешься от дьявола внутри тебя. Говори Ему!

Кики зажмуривается, но это не помогает удержать слезы. Она не брала конфеты из магазина мистера Пэтела. Не брала. Господь все видит, так мама и папа говорят ей, и так говорят на уроках по Библии. Тогда как же получается, что Он не видел, как Берти воровал конфеты? Почему Господь наказывает ее? Ведь ее за это выпорют.

– Подожди, вот отец вернется домой. – Грозный тон матери подтверждает опасения Кики, и она начинает плакать громче. – Хватит скулить! – Мать снова бьет ее, на этот раз по голове, причем с такой силой, что Кики едва не падает на бок. – Ты плохая, Кики. Твои собственные кровь и плоть знали об этом и избавились от тебя, как только появилась возможность. Та бродяжка, что дала тебе жизнь, даже не знала, кто твой отец...

Кики хочется закрыть уши, но она не решается. Она снова позволяет той безнадежности, которую чувствует в душе, овладеть ею. Она всегда, сколько себя помнит, знала, что ее удочерили. Мать рассказала ей об этом четыре года назад, когда ей было пять. Сейчас ей девять, а «на вид вообще семнадцать», как с насмешкой говорит ей мать, хотя Кики плохо понимает, что та под этим подразумевает. По сути, она вообще ничего не понимает и тем более не понимает, почему мать так сильно ее ненавидит. Она всегда старалась быть хорошей, угождать ей и папе. Но папа обращает на нее внимание, только когда надо пороть ее, а мама, кажется, изливает на дочь весь свой гнев, правда, только дома. На людях и в церкви она обнимает и целует Кики, проявляет к ней хоть немного нежности, и ей это приятно.

Мама многое делает втайне, например пьет алкоголь. Кики узнала, где у нее тайник с выпивкой – в кладовке под лестницей. Она видела, как мама брала бутылки и иногда пила прямо из горлышка. Мама ничего об этом не знает, а она, естественно, никому словом об этом не обмолвилась, только своему сводному брату Берти. Он на три года старше нее, он ее лучший друг. Вообще-то Берти – ее единственный друг. Правда, бывает вот как сегодня, что он предаст ее, вынуждает отвечать за его проступки. Но ей и в голову не пришло бы сдать его. Берти вспыльчив, как мама, а иногда может быть злым. Однако в большинстве случаев он ее единственный союзник, ее единственный источник утешения.

– Немедленно убирайся из комнаты, грязная сучка! Не желаю видеть твою рожу до завтрашнего утра. Ужинать сегодня не будешь – какой ужин, когда ты набила брюхо краденными конфетами!

Кики выбегает из кухни и спешит наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Берти уже ждет в ее комнате.

– Молодчина, малыш, спасибо, что не выдала. Вот, припас для тебя «Фруктовых пастилок» и, смотри, – он достает что-то из кармана, – сливочное яйцо, твое любимое.

Кики выдавливает из себя улыбку, хотя ее лицо все еще горит, а голова болит. Она падает на кровать и плачет.

– Мама ненавидит меня. Она говорит, что я зло, что я никому не нужна... Даже своей родной матери.

– Не слушай ее. – Берти ложится рядом и обнимает ее. – Она просто пьяная ведьма, которая ничего не знает. Думаю, ты лучшее, что есть на свете, после нарезанного хлеба.

Он смеется и крепче обнимает ее.

– Почему она бьет меня? Почему папа бьет меня? Он выпорет меня, когда придет домой. Я боюсь...

Берти вздыхает.

– Кики, я не допущу, чтобы они делали тебе больно. – Он еще крепче обнимает ее. – Это я виноват, что тебя поймали. Я приму наказание как мужчина. Мы должны держаться вместе, понимаешь, ты и я!

– Я люблю тебя, Берти.

– Я люблю тебя, Кики.

Она улыбается, хотя из-за того, что они лежат обнявшись, он не видит ее лица.

– Пусть они и не любят тебя, но я-то люблю.

Она прижимается к нему. Берти любит ее, и только это имеет значение.

Глава 5

Я все еще подпеваю группе «Бостон» с их «Больше чем чувство», когда сворачиваю на нужную мне улицу. Рэйчел говорила «Ты убил песню, Дэнни» каждый раз, когда слышала мое пение. Я не могу не улыбнуться иронии ее слов, выключая двигатель.

Дом номер тринадцать – шикарный дом в шикарном тупичке. «Старики называли бы это “пригородным шиком”», – думаю я, проезжая по аллее. Это очаровательное местечко, окруженное вишневыми деревьями и расположенное на окраине Барнета, куда приезжают жить и растить детей те, кто добился успеха. Это не обычный шумный Лондон, это кусочек пригорода в городе – действительно окраина, если уж быть педантичным. С особняками и идеально подстриженными лужайками, она напоминает мне один престижный район Лос-Анджелеса, лощеный, но лишенный душевного тепла. Дома в Кедровом тупике очень похожи друг на друга, и все они огромные. Здесь точно есть деньги, и обитатели, кажется, не прочь продемонстрировать это соседям своими «Ягуарами», «Рейндж Роверами», самыми престижными в линейке «Мини», с мягким верхом, и даже парочкой «Порше» на гравиевых подъездных аллеях с воротами.

Думаю, все обитатели здесь знают друг друга: тупик уединенный, приватный и практически закрытый для чужих. Я также думаю, что все они тайно соперничают друг с другом: у кого самая широкая подъездная аллея, лучшая машина, самая красивая жена и самые успешные дети. Естественно, это мое предположение – как и все мысли, что крутятся у меня в голове, когда я вылезаю из машины, тоже предположения.

Территорию перед домом номер тринадцать освещают голубые всполохи полицейской мигалки, создавая знакомую атмосферу чернильного сияния и наполняя меня предвкушением. Я вижу черно-желтую ленту, два полицейских минивэна и три легковушки. Криминалисты с целеустремленным видом то входят в дом, то выходят из него; они напоминают гигантских зеленых муравьев. Я делаю глубокий вдох. Мне не удалось принять душ, но я все же почистил зубы – и это уже неплохо.

Я иду к дому, разглядывая место преступления. Оно выглядит совсем нетипично для случаев бытовой поножовщины. Но внешность обманчива, поэтому я не делаю никаких выводов. Пока.

Я замечаю на больших подъемных окнах ставни, те самые роскошные и дорогие, о покупке которых для нашей квартиры всегда мечтала Рэйчел – пока я не увидел их цену! «Мы на третьем этаже, их все равно никто не увидит!» – таков был мой взгляд на эту ситуацию в те времена, насколько я помню.

«Да, Дэнни, но мы-то будем их видеть – в этом-то весь смысл!» – отвечала она.

Я улыбаюсь воспоминанию. Уверен, в конце концов я бы согласился.

Но мы до этого так и не дошли.

Люси Дэвис идет мне навстречу.

– Добрый вечер, босс.

Вживую она еще более бодрая и жизнерадостная. Мне нравится, что Дэвис пока не потускнела от работы. Она действительно, насколько это возможно, в восторге от работы в убийном отделе.

Многие в отделе думают, что я запал на Дэвис. Она молода и привлекательна, держится дружелюбно в стиле «девчонки с нашего двора», но обладает твердым характером, так что ничего удивительного в подобных домыслах нет. У меня Дэвис никаких романтических чувств не вызывает, однако она мне нравится. Мне нравится ее профессиональная этика, ее тихая решимость и едва ли не воинственная дотошность, ее внимание к деталям. Она мыслит нестан-

дартно, и она надежна, в отличие от Дилейни, который – есть у меня такое подозрение – станет в этом расследовании самой настоящей занозой в заднице.

– Разве вечер добрый, а, детектив-сержант Дэвис? – говорю я. – А я и не сообразил.

Она сухо улыбается.

– Я взяла вам «Косту». – Она протягивает мне картонный стакан. – Латте с обезжиренным молоком и лесным орехом.

– Я бы женился на тебе, Дэвис, если бы ты была свободна. – Я одаряю ее благодарной улыбкой, забирая стакан, а она с некоторым смущением отводит взгляд. – Ну, давай, удиви меня.

– Хорошего там мало.

У меня было смутное подозрение, что она именно так скажет.

– Погибший: Роберт Миллс, тридцать девять лет, через несколько недель должно было исполниться сорок. Ему перерезали горло – похоже, босс, рана глубокая, едва голову не отрезали. И еще его ударили ножом. Много раз.

Замечательно.

– Ты упоминала жену.

Она кивает, смотрит в свой блокнот.

– Лори Миллс. Звонок был от нее. Когда мы приехали, она вся была в крови, что-то бессвязно лепетала, была не в себе. Еще она была в состоянии алкогольного опьянения. Похоже на бытовуху, босс. Вероятно, ссора вышла из-под контроля.

Дэвис говорит, а я смотрю на дом. В нем есть нечто странное, что я никак не могу ухватить. Он вызывает у меня неприятные ощущения, как несчастливый дом.

– Дилейни с женой. Бейлис, Мюррей и кое-кто из команды обходят соседей – тех, кто еще здесь.

Я перевожу взгляд на улицу. Люди стоят у дверей своих домов или выглядывают в окна, наблюдая за разворачивающимися действиями; их лица освещены голубыми всполохами мигалки. Будем надеяться, они смогут поделиться кое-какой информацией. Судя по виду, они из тех, у кого информация есть.

– Хорошо. Огороди дорогу. Убедись, чтобы никто не зашел и не вышел. Гони отсюда всю прессу. Сейчас же «золотой час» для съемок.

«Золотой час» – так в убойном отделе называют первые шестьдесят минут на месте преступления. Именно в этот период нам нужно собрать как можно больше улик, в основном прямых, но и косвенных тоже. Моя работа состоит в том, чтобы извлечь смысл из тех и из других и собрать их воедино так, чтобы у нас получилась четкая картина. Некоторые копы помешаны на данных всяких экспертиз, но для меня экспертизы и улики идут рука об руку. Одно без другого не работает – они связаны, ну, примерно так же, как Леннон и Маккартни.

Я поднырываю под черно-желтую ленту и переступаю порог дома тринадцать со странным чувством. «Больше чем чувством».

Глава 6

Первый, кого я вижу – это Дилейни. Он стоит в просторной кухне, которая расположена в стороне от жилых помещений и примыкает к своего рода оранжерее. Он с кем-то разговаривает – с женой, предполагаю. Я не вижу ее лица, только копну каштановых волос, так как она сидит за столом, уронив голову на руки. Когда я вхожу в кухню, я замечаю кровь на ее руках, да и на ней самой, – много крови.

– Дэн, – с раздражающей фамильярностью, как будто мы знакомы всю жизнь, приветствует меня Дилейни. Он подходит ко мне и едва заметно наклоняет голову. – Мы считаем это бытовухой... Она в истерике, не знает, что случилось, говорит, что не может вспомнить, несет полную чушь... Она пьяна... у нее раны на запястьях. Судя по всему, нанесенные ею же.

Он хочет продолжить, но я обрываю его, проходя к столу, к миссис Миллс.

– Миссис Миллс... Лори, я детектив-инспектор Райли, Дэниел Райли...

Женщина поднимает голову. Ее лицо выглядит как место преступления – все в красной слизи, глаза запали. У нее дрожат губы, а каждая мышца будто кричит в агонии. Она пытается заговорить, но из ее рта вылетает только тихий хрип. Покрытые кровью руки трясутся, все платье в пятнах. Она в жутком состоянии.

– Я... я... о господи... Роберт... Роберт... Не знаю, что случилось... не могу вспомнить... я спала... я думала, он... Он меня продинамил... – Ее голова с глухим стуком опускается на крышку стола.

– Все в порядке, – заверяю я ее, – все в порядке. Лори, вы можете рассказать мне, что произошло? – спрашиваю я.

Она мотает головой, приподнимая ее на несколько дюймов и снова роняя.

– Уведи ее отсюда, – резко говорю я Дилейни. – Отвези в отделение. Мы поговорим с ней там.

Дилейни с явной неохотой кивает.

– Босс, мы не будем арестовывать ее?

– За что? – бросаю я. – Мы пока не знаем, что произошло. Сначала нужно ее осмотреть. Отправь с ней двоих. Мы проведем допрос, когда лепилы ее осмотрят. Есть признаки взлома?

– Никаких. – Дэвис держится позади меня, когда я понимаю по лестнице. – И ничего не взято.

«Кроме жизни, – думаю я, но не говорю это вслух. – Капитан Очевидность».

– Он в комнате с примыкающей ванной, босс, – говорит Дэвис. – В гостиной.

Это кажется мне немного странным. Почему Роберт Миллс в собственном доме оказался в гостиной?

– Они с женой разошлись, – говорит Дэвис, предвосхищая мой следующий вопрос. – Она ждала его на ужин к половине восьмого, но он так и не появился. Она говорит, что заснула, проснулась, а вокруг темнота... то ли пробки выбило, то ли свет отключили. Потом она видит, что вся в крови, и впадает в панику. Она звонит на номер своего мужа и, как говорит, слышит его звонок наверху, поднимается наверх, чтобы взглянуть и... в общем... вы сами все увидите.

Как я и предполагал, в гостиной полно народу. Там работают криминалисты, посыпая порошком все поверхности, собирая образцы, складывая в пакеты улики, делая измерения и фотографии. Комната большая и просторная, она отделана в соответствии с самыми высокими стандартами в кремовых и бежевых тонах. Мебель, в том числе и огромная двуспальная кровать, белая и выглядит потрепанной, как это сейчас модно. «Потертый шик» – вот так, думаю, это называется. Над туалетным столиком – богато украшенное овальное зеркало, на самом столике – флаконы с духами и коробка косметических салфеток. На полу перед столиком – коврик

из овчины, на вид дорогой. По всей кровати раскиданы роскошные подушки разных размеров и из разных тканей. Покрывало выглядит старинным и полностью соответствует стилю; судя по всему, к нему не прикасались. Кровать так и манит прилечь, вероятно потому, что я плохо спал и чувствую себя уставшим. Я противостою желанию рухнуть на нее.

Гостевая очень уютная и чистая, декором явно занималась женщина – уж больно много внимания к деталям. Стены украшены черно-белыми фотографиями, сделанным с мягким фокусом. Женщина на снимках хорошо освещена и изображена в различных будуарных позах. Образы сексуальные и одновременно утонченные, почти неземные. На некоторых женщина позирует голой, хотя эта нагота неочевидна; на других она в нижнем белье. Не могу определить, жена это или нет. Ставни белые, такие же, как внизу, и они закрыты. Рядом с моим ухом мелькает вспышка, и я – весь на нервах из-за недосыпа – вздрагиваю. Теперь щелканье затвора на фотоаппарате наводит меня на мысли о смерти, что на самом деле плохо, потому что я люблю фотографировать. Возможно, я буду чаще брать в руки фотоаппарат, когда подам в отставку, если мне вообще удастся подать в отставку, потому что, по словам Вудса, «ты, Райли, никогда не перестаешь быть копом, даже когда ты спишь или впадаешь в маразм». Вот так умеет утешать наш Вудс. Я улыбаюсь. Не могу сказать, что в последнее время я получаю это в избытке – сон или утешение.

На первый взгляд все в спальне на своих местах. Она выглядит первозданной, как в шоу-руме: ни брошенной одежды, ни грязных пятен, вообще никаких признаков того, что в ней жили. Направляясь к примыкающей к спальне ванной, среди группы в зеленых комбинезонах я замечаю Вик Лейтон – я узнаю ее по затылку. Она поворачивается, когда слышит мои шаги.

– А, детектив-инспектор Райли. – Она улыбается мне. Кажется, у нее даже улыбка квалифицированная. Как ни странно, я рад снова видеть ее, хотя обстоятельства, при которых мы всегда встречаемся, к радости не располагают.

– Мисс Лейтон. – Я склоняю голову в знак приветствия.

– Особо неприятный случай.

Она говорит прямым текстом, без обиняков. Молодчина Вик, она никогда ничего не приукрашивает, и я уважаю это.

– Много жестокости, – задумчиво добавляет она.

Вик отходит в сторону, когда я наклоняюсь над телом. Роберт Миллс лежит на боку спиной к двери. Он полностью одет, на нем дорогие джинсы и белая – вернее, изначально белая – футболка, а поверх – кожаная куртка. Я улавливаю слабый запах одеколона после бритья, запах вкрадчивый и свежий. Я предполагаю, что Роберт Миллс высок, вернее, был высоким, потому что его тело даже с подтянутыми к груди ногами, в позе эмбриона, занимает довольно много места на плиточном полу. Со спины кажется, будто он спит, вырубился, свалившись пьяным на пол, темные волосы разметались под ним во все стороны, как женские.

Только наклонившись и увидев кровь, я сталкиваюсь с ужасающей правдой. Глаза Роберта Миллса, пронзительно голубые, как лед, широко распахнуты и смотрят четко вперед; в них застыло выражение удивления или шока. Кровь собралась в лужицу под его шеей и пропитала перед его футболки. Рана на шее глубокая настолько, что виден подкожный жир, – уродливые желтые гроздья вывалились наружу, и мне даже кажется, что я вижу кость, или хрящ, или что-то в этом роде. Разрез длинный, неровный, почти от уха до уха, он превратил шею в кровавое месиво. Похоже, кто-то напал на него с топором.

Я выпрямляюсь, обхожу тело и наклоняюсь над ним, глядя под другим углом. Мои колени противно щелкают, когда я сажусь на корточки, и напоминают мне о том, что я старею – ну, дряхлею. На следующей неделе у меня день рождения; я бы предпочел забыть о нем, встретить его в одиночестве, вернее в одиночестве в участке, если только отец не настоит на том, чтобы посидеть где-нибудь и выпить – так он делает каждый год с тех пор, как умерла Рэйчел.

На стенах кровь, ее брызги на стекле душевой кабинки и на раковине. И тут я вижу зеркало. Слова «Лжец, изменник и подонок» написаны, как я предполагаю, кровью Роберта Миллса. Думаю, можно с уверенностью заключить, что написал их тот, кто и убил нашего приятеля. По моему желудку прокатывается легкий спазм, что нехарактерно для меня – я хорошо знаком с видом крови и расчлененки, так как повидал немало зверских, с истязаниями, убийств, жутчайших автомобильных аварий, изломанных и окровавленных тел, – однако от той жестокости, что отличает это убийство, действительно выворачивает наизнанку. Похоже, действовали со значительной силой – бешеной, агрессивной, неистовой силой, свирепостью. Кто-то очень сильно разозлился на мистера Миллса.

Я смотрю в его лицо. Даже с перерезанной шеей он красив, своей внешностью он напоминает хипстеров, которые часто заглядывают в модные бары Шордитча⁶.

– Боюсь, это не все, – говорит Вик с той, которая вынуждает меня предположить, что, в противовес, в других аспектах она, возможно, очень даже темпераментная.

– Ну, удиви меня, – говорю я. Звучит немного вальяжно, но это случайность, я этого не хотел. В убийстве нет никакой светскости.

– Ему нанесли колотые раны, судя по всему множественные. Похоже, при ударах были повреждены основные артерии и легкие. Ему не хватало воздуха, при каждом выдохе разбрызгивалась кровь, – поясняет она. – При условии, конечно, что раны были нанесены до того, как ему перерезали горло. Мне нужно обследовать его на своем столе в морге, прежде чем я смогу сделать какие-либо заключения, но если опираться на предварительный осмотр, ставлю на то, что сначала ему перерезали горло, а уже потом стали в ярости наносить колющие удары.

Я глубокомысленно киваю.

– Давно? – спрашиваю я. – Давно он мертв?

– Вообще-то не очень, – говорит Вик, – если судить по температуре. Сейчас одиннадцать сорок пять вечера. – Она смотрит на часы. – Где-то от двух до трех часов, я бы рискнула предположить.

Я делаю подсчеты.

– Значит, мы имеем время смерти с восьми до десяти вечера?

Вик склоняет голову вправо.

– Плюс-минус.

Я смотрю на тело Роберта Миллса чуть дольше. Мрачная картина: человека в расцвете сил зарезали, как животное.

– Босс, похоже, у нас есть оружие преступления. – На пороге ванной появляется Дэвис. Она держит пластиковый пакет, в котором лежит большой кухонный нож, залепанный кровью.

Я киваю, думая, что такое можно предположить с большой уверенностью – либо это оружие преступления, либо Миллс предпочитал бриться очень тщательно. Рукой в перчатке я беру у нее пакет и изучаю нож. Это один из тех кухонных ножей, которые обычно стоят на кухне в деревянной подставке, поварской нож, такой же, каким пользовалась Рэйчел в том ресторане, где она работала, большой и острый как бритва, с толстой черной рукояткой. Тяжелый, увесистый, и меня мучают угрызения совести из-за того, что он напоминает мне о ней. Я прикидываю, какую силу надо было применить, чтобы пронзить насквозь тело жертвы; судя по нанесенным повреждениям, сила была значительной.

– Он лежал на кровати. Криминалисты упаковали его после того, как сделали фотографии.

Итак, никто не пытался спрятать оружие преступления или избавиться от него. Интересно.

⁶ Богемный район лондонского Ист-Энда, прославившийся многочисленными барами и клубами, где собирается творческая молодежь.

– А телефон? Ты говорила, что жена звонила на его телефон.

– Мы нашли его рядом с раковиной, – поясняет Дэвис.

Я поворачиваюсь к Вик.

– Он точно совпадает с нанесенными ранами, – говорит она, предвосхищая мой вопрос. – Этот нож.

– Знаешь, Вик, ты всегда можешь сделать карьеру в качестве ясновидящей, если тебе надоест твоя работа, – говорю я.

Ее губы растягиваются в слабой улыбке.

– И какова продолжительность рабочего дня?

Мне становится интересно, на какие удовольствия тратит Вик свое свободное время, когда не режет трупы и не собирает их, в буквально смысле, по кусочкам.

– Большая, – говорю я, – и платят гроши.

– Гм, тогда нет смысла менять, – говорит она.

Мне хочется добавить: «Да, и в том и в другом случае все равно приходится иметь дело с мертвецами!» – но я решаю, что так могу переступить границы, поэтому молчу.

– Дай мне расклад по ране на шее, – говорю я, думая о Лори Миллс, о том, в каком состоянии она была, и как получилось, что, когда я приехал, ею занимался Дилейни, едва ли не угрожающе нависнув над ней. – Разве не должно быть больше крови, если учесть глубину? – Из-за колющих ран на теле Роберта Миллса и на его футболке недостатка в бордовых пятнах нет – по сути, его окружает море крови, оно разлилось по плиточному полу ванной и, конечно же, по зеркалу, – однако я не могу избавиться от мысли, что вокруг верхней части шеи крови должно бы быть больше.

– В проницательности вам не откажешь, детектив, – говорит Вик, и, судя по ее виду, она под впечатлением. – Вы учитесь.

– У лучших, – говорю я, но понимаю, что она покончила с шутками и переключилась на профессионала.

– Существует неправильное представление о том, как перерезается горло. Я виню в этом телевизионные сериалы и фильмы... Люди ожидают, что кровь будет там, где ее не может быть по науке; во всяком случае, чаще бывает так...

Я киваю. Вик начала с загадок.

– Все, видите ли, зависит от того, как рана нанесена, – продолжает она. – Если сделать разрез в передней части горла, то всего лишь перережется трахея. Если сделать это с достаточной точностью, то комбинация отека и частичного коллапса из-за разрыва хряща вызывает у жертвы удушье. Это удушье будет происходить медленно и без обильной кровопотери; эффективной смерти здесь не гарантируется. Между прочим, бывали случаи, когда люди через несколько минут поднимались на ноги и шли за помощью.

– На мой взгляд, очень даже эффектно! – Не могу представить, какие ощущения возникают, когда перерезаешь горло другому человеку, зато могу с твердой уверенностью предположить, что намерение причинить серьезный вред присутствует здесь как данность.

– А вот если перерезать основные вены, то процесс будет грязным, неприятным, медленным и шумным... – Она косится на меня и подталкивает очки к переносице. – Бульканье, удушье, все в таком роде.

– Понял.

– При таком методе, прежде чем человек умрет, вытечет большое количество крови.

Я смотрю на тело Миллса и перевожу взгляд обратно на Вик. Она в ударе, изучая рану; она концентрируется, делает выводы в режиме реального времени.

– Убийцы часто выбирают перерезание сонной артерии – не хотят заморачиваться, – объясняет она. – При этом фактически происходит перекрытие поступления крови к мозгу, и, так как это быстрый процесс, все происходит довольно аккуратно. Кое-какая кровопотеря будет,

как и у нашей жертвы, во всяком случае пока сердце полностью не остановится, однако это не будет выглядеть как фильм ужасов, как при перерезании вен, – без тени иронии говорит Вик. – И все же количество приличное. Естественно, если была еще и перерезана трахея, кровь могла утечь в легкие. А так как ему были нанесены колющие раны...

Я мысленно морщусь, представляя, какой ужас, вероятно, испытал Роберт Миллс в последние мгновения, когда не мог дышать и захлебывался собственной кровью. Одновременно я думаю о том, что я немного влюблен в Вик Лейтон. Она говорит о смерти так, будто пересказывает рецепт. В ее устах она выглядит почти аппетитно.

– Итак, – говорю я, – подводя итог, ты считаешь, что подозреваемый перерезал артерию и что он точно знал, что именно нужно сделать, чтобы сделать это как можно чище?

– Первое – да, но по поводу второго, боюсь, я не могу дать комментарий. Это было бы домыслом.

Я киваю. Подозреваю, слово «домысел» нечасто встречается в лексиконе Вик.

– Явных повреждений на руках, указывающих на сопротивление, нет: отсутствуют порезы, ссадины, синяки – хотя опытный патологоанатом выявит любые нюансы... Похоже, он не вступал в драку, что позволяет предположить, что ножевые раны появились после того, как ему перерезали горло. Может даже, когда он умирал или уже умер.

Я смотрю на труп перед собой, оглядывая его под разными углами. Я кое-что замечаю.

– Под ним что-то есть, – говорю я, снова наклоняясь. Это торчит из-под его груди, из-под ребер – клочок бумаги...

Вик закатывает глаза, а я осторожно толкаю тело Роберта Миллса пальцами, радуясь тому, что мои пальцы защищает тонкий слой резины перчаток.

– Похоже на письмо, – говорю я, вытаскивая его из-под него. Это конверт, у него только один угол пропитался кровью, в остальном он в целостности и сохранности. Я чувствую прилив возбуждения – внизу живота, набирая обороты, начинает бурлить адреналин и подниматься вверх. Имя адресата – «Миссис Лори Миллс» – напечатано, письмо выглядит официальным. Конверт открыт.

Мое дыхание учащается, когда я осторожно достаю письмо из конверта. Даже Вик Лейтон выглядит заинтересованной. Я бережно разворачиваю лист формата А4.

*«Дорогая миссис Миллс,
специально сообщать Вам, что Ваш муж, Роберт Миллс, поручил нам действовать от его имени в отношении бракоразводного процесса...»*

– От адвокатов. – Я поворачиваюсь к Дэвис. – В нем жене сообщается, что он начал бракоразводный процесс. Датировано тремя днями ранее... Отнеси это криминалистам. – Я так же бережно, как вынимал, убираю письмо обратно в конверт. – И свяжись с юристом: некий Майкл Джеймс из «Джеймс, Стэннард и Ко», находится в Сохо, судя по «шапке» на бланке.

Она энергично кивает, забирая у меня конверт.

Я вижу, как в гостевую с мешком входят ребята из скорой, им предстоит отвезти Роберта Миллса в морг – заведение, которого, я почти уверен, не было в списке тех мест, что он хотел бы посетить до своего сорокалетия. Я перевожу взгляд на Вик Лейтон.

– Думаю, вам нужно поговорить с женой, – сухо произносит она, косясь на послание убийцы на зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.